

УДК 821.161.1

ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ «ПАТРИОТОВ» 2000-х гг.

Е.А. Андреева (Красноярск, Россия)

Аннотация

Литературно-критический дискурс нередко осмысливается как дискурс властный (М. Берг, В.В. Смолененкова, Ю.А. Говорухина). Одна из главных его особенностей – направленность на Другого, которая предполагает использование различных интерпретационных стратегий и тактик. Цель статьи – выявление и анализ основных интерпретационных стратегий, используемых критиками-«патриотами» в статьях, посвященных «деревенской прозе» как аксиологически значимой для них. Традиционалистская проза содержит национальную идею и противостоит актуальной литературе, которая подвергается в литературно-критическом дискурсе «патриотов» резкой негативной оценке, осуждается за ее вторичность, изображение «чернухи», попрание христианской идеи, разрыв с традицией. Материалом исследования послужили литературно-критические статьи, опубликованные в 2000-е гг. в журналах «Наш современник», «Москва». В результате анализа были выявлены интерпретационные стратегии, использование которых позволяет «присвоить» писателя в рамках оппозиции «свое – чужое», сформировать его положительный образ. Нередко статьи «патриотов» написаны в форме портретного очерка, повествующего о самых главных, с точки зрения критика, событиях в жизни автора, которые укладываются в систему его ценностных ориентиров. Одной из главных здесь становится интерпретационная стратегия, содержащая указание на факт рождения писателя в провинции (особое место в ценностном поле критиков-«патриотов» занимает Сибирь). Оценивая и интерпретируя творчество писателей-«деревенщиков», критики указывают также на публицистичность их прозы, отражение в ней социальных проблем. Чтобы идеализировать своего «персонажа», создать его сверхположительный портрет, критики используют стратегию деления писателя героическим началом. Писатель-«деревенщик» (или, как вариант, герои его произведений) предстает как защитник крестьянского уклада, хранитель русского, национального. Кроме того, критики-«патриоты» указывают на пророческое содержание их текстов, как правило, содержащих эсхатологические мотивы. Все названные интерпретационные стратегии не только формируют определенную картину мира в сознании адресата, но и участвуют в процессе самоидентификации критика.

Ключевые слова: *литературно-критический дискурс, ментатив, властный дискурс, традиционалистская проза, интерпретационная стратегия, «патриотическая» критика, писатели-«деревенщики».*

Литературно-критический дискурс в своей сущности является дискурсом властным. Прагматическая цель критика – убедить читателя в истинности своих суждений: он вычитывает в литературных текстах актуальные для него смыслы, оценивает их и побуждает читателя к принятию его оценки и интерпретации как единственно верной. Здесь обнаруживается императивная модальность критического дискурса, выражающаяся в его изначальной побудительной интенции. Воздействующую способность критики можно рассматривать также в терми-

нах ментального дискурса, или ментатива¹. Понимание литературно-критического дискурса как властного дает возможность проанализировать механизмы идеологического воздействия критика на читателя, прояснить процессы присвоения литературных фактов и использования / пополнения символического капитала². Целью статьи является описание основных интерпретационных стратегий «патриотической» критики, используемых в отношении «деревенской прозы» и направленных на формирование определенной картины мира в сознании адресата.

Критик вычитывает смыслы в соответствии со своими идеологическими и ценностными установками, которые определяются принадлежностью к тому или иному журналу, оппозиционной группе, критическому направлению. Данные установки определяются через акты оценки и интерпретации. Интерпретацию в данном случае следует понимать шире, чем истолкование, она связана с процессами тексто- и смыслопорождения и реализуется посредством интерпретационных стратегий. Вслед за Ю.А. Говорухиной³, мы понимаем интерпретационную стратегию как метод критики, способ познания текста как части бытия. При этом в процессе интерпретации художественного явления значимой становится установка на реципиента, которая соотносится с коммуникативно-прагматической целью критика. В то же время интерпретационная стратегия – это акт самопознания, который неразрывно связан с самоидентификацией критика, литературно-критического журнала. Процесс интерпретации связан с вычитыванием актуальных для критика смыслов, которые определяются системой его ценностных ориентиров.

«Деревенская проза» занимает особое место в литературно-критическом дискурсе «патриотов» начиная с 60-х гг. XX в. Политика толстых журналов, восходивших к идеологии русского почвенничества (журналы «Молодая гвардия», «Наш современник», «Москва»), была направлена на трансляцию идей и укрепление позиций «деревенщиков», которые выступали как «хранители нравственности, русской духовной традиции», подрываемой «просвещенным мещанством» [История русской литературной критики, 2011, с. 486]. А. Разувалова рассматривает культ традиции, имеющий место в среде «неопочвенников», как «вариант адаптации к последствиям травмы», связанной с изменением статуса крестьянства в советском

¹ В.И. Тюпа, выделяя различные типы высказывания, пишет о ментативе как о классе дискурсивных практик, предполагающих «некоторое ментальное событие (изменение картины мира) в сознании адресата» [Тюпа, 2006, с. 40]. Ментатив всегда направлен на воспринимающее сознание, он «состоит в концептуализации своего референтного содержания, то есть в его “выкладке”, “развертке” для Другого» [Там же]. Эта направленность на другого становится актуальной для литературной критики, когда критик воздействует на аудиторию с помощью различных риторических приемов и интерпретационных стратегий.

² Следует отметить, что литературная критика обнаруживает в себе черты не только властного дискурса, но и сопряженного с ним дискурса идеологического. Идеологическую составляющую литературной критики отмечает М.А. Бондаренко. Исследователь выделяет в качестве одной из функций критической деятельности «моделирование ценностной позиции в культурном пространстве»: «Критическое высказывание эксплицитно или имплицитно декларирует, легитимизирует, утверждает как ценность ту методологическую позицию (научные, эстетические, политические, философские и т.п. идеи), в рамках которой существует и прочитывается само произведение и осуществляется критическое высказывание» [Бондаренко, 2003]. Е. Погорелая в статье «Критика как путеводитель по сферам идей» высказывает точку зрения, что «собственная философия критика становится знаком его художественной реальности» [Погорелая, 2007]. По мысли Ю.А. Говорухиной, «содержание идеологической составляющей критического текста может быть представлено в виде прямых оценок “своих – чужих”, прямых формулировок ценностных координат, критериев оценки текста / персонажа / писателя / литературного и социального явления» [Говорухина, 2014, с. 74].

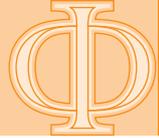
³ Говорухина Ю.А. Метакритический дискурс русской критики: от познания к пониманию. Томск: ИД СК-С, 2009. 130 с.

государстве и исчезновением деревень [Разувалова, 2015, с. 61]. В 1990–2000-е гг. в литературно-критическом дискурсе «патриотов» актуализируется «национальная идея», которая предполагает возвращение к национальным, православным ценностям и осмысливается как путь спасения в ситуации кризиса, нарастания западнических настроений в обществе. Именно «деревенская проза» становится проводником национальной идеи, символическим капиталом, позволяющим сохранить традицию и пронести ее через время [Ковтун, 2013, с. 17–50].

Традиционалистская проза⁴ противостоит актуальной литературе, которая подвергается в литературно-критическом дискурсе «патриотов» резкой негативной оценке, осуждается за ее вторичность, изображение «чернухи», попрание христианской идеи, разрыв с традицией. Критики отмечают губительное воздействие текстов В. Пелевина и В. Сорокина, Л. Петрушевской и Л. Улицкой, а также других авторов, выходящих за пределы ценностного поля «патриотов». В статье «Облик дарованный» К. Кокшенева дает определение современной культуре как «кислотной», «растворившей (как соляная кислота) всякую реальность до полного развоплощения, до полной потери ценностного отношения к ней» [Кокшенева, 2001, с. 92]. При этом критик акцентирует внимание на уничтожающем, разъедающем воздействии современной культуры не только в отношении окружающей реальности, но в отношении человека: «Здесь предлагают полное несуществование каждому из нас, ибо наслаждаться чернотой и злобой “кислотной культуры”» человек, не истративший своей личности, попросту не может» [Там же, с. 92]. Противостоит «морочу» современная иркутская литература в лице таких авторов, как В. Распутин, А. Семенов, А. Байбородин, Е. Суворов, Юрий и Ким Балковы, О. Слободчиков. Главную их задачу критик видит в «упрямом “стоянии на поле”» исконных смыслов и замыслов о человеке и мире: «Я вижу миссию воинов, охраняющих право литературы писать о действительности» [Там же, с. 89]. Пелевинский герой, с точки зрения К. Кокшеновой, вовлечен в «рынок удовольствия», живет «потребительскими схемами». Другим предстает герой «деревенской прозы»: «Нет, не весь современный человек тут назван, не вся его личность исчерпывается маркой автомобиля. Наш деревенский простой человек по-прежнему сохраняет в себе облик задуманный, облик дарованный. Рядом с “я” пелевинского героя стоит лишь поставить “я” героев иркутских писателей, как картина тут же изменится, и в правах восстановится наш прежний русский человеческий облик» [Там же, с. 93]. Самосохранение национального типа является одной из высших ценностей в аксиологии «патриотов». Критик ставит знак равенства между «деревенским» и «национальным». «Деревенская проза», изображающая простонародную жизнь, по мнению К. Кокшеновой, выявляет «сильные национальные типы» [Там же, с. 93].

При этом критики-патриоты отмечают пренебрежение «деревенской прозой» в современной культуре. В той же статье К. Кокшенева отмечает, что писателям-

⁴ Термин «традиционалистская проза» содержит семантику связи с культурой прошлого, ориентирует на «корневые национальные ценности» и представляется более убедительным [Ковтун, 2013, с. 24].

«деревенщикам» в отечественном литературоведении уделяется мало внимания: «Литературная школа “живой жизни” неинтересна исследователям. Деревня быстро была списана в “романтизированный мир”, который раздражал» [Кокшенева, 2001, с. 95]. П. Спиваковский в обзоре учебного пособия М.М. Голубкова «Русская литература XX в.: После раскола» указывает на историко-литературную лакуну в изложении материала: «Прежде всего здесь не хватает анализа “деревенской прозы” (между тем творчество писателей-деревенщиков не только исключительно значимо для литературного процесса XX века в целом, но, в частности, очень интересно и в культурологическом плане)» [Спиваковский, 2002, с. 202].

Интерпретационные стратегии критиков-патриотов направлены на «присвоение» поля литературы современной традиционалистской прозы и описания ее как культурно и социально значимой. Нередко статьи патриотов написаны в форме портретного очерка, повествующего о самых главных, с точки зрения критика-патриота, событиях в жизни автора, которые укладываются в систему их ценностных ориентиров. В литературной биографии писателя огромную роль играет факт его рождения в провинции. Местом особой силы считается сибирская земля, которая в литературно-критическом дискурсе «патриотов» сакрализуется (что является общепринятым для традиционалистской литературы). Согласно Н.В. Ковтун, «мифология Сибири связана с представлениями об исключительности, метафизическом статусе самого места, изначально свободного от чужеземного и государственного ига, от власти стяжательства и нигилизма» [Ковтун, 2013, с. 81]. И. Кириллов, описывая жизненный и творческий путь М. Ворфоломеева, указывает на факт его рождения в Сибири и подчеркивает, что это место отмечено и другими крупными именами: «Кстати, Ворфоломеев родился в Иркутской области, недалеко от того места, где родился Александр Вампилов. Иркутская земля дала русской литературе еще двух крупных писателей: Леонида Бородин и Валентина Распутина. (Из другой области культуры: в поселке под Иркутском родился всемирно известный танцор Рудольф Нуриев.)» [Кириллов, 2001].

О В. Распутине как уроженце поселка Усть-Уда Иркутской области упоминается в статье В. Семеновой «Читать Распутина, слушать Россию». Именно происхождением в Сибири критиком объясняется «художественная мощь» В. Распутина: «Подобно древу-исполину, питаемому соками родной земли, давшей силы взметнуться вверх, в самое поднебесье, русский писатель-сибиряк вобрал в себя животворные токи своей родины, идущие от могучей, суровой, но и щедрой на красоту и богатства сибирской природы, кряжистых людских характеров, самобытного языка, созданного народом, более трех веков назад обжившим берега Ангары-реки» [Семенова, 2007, с. 222]. При этом критик подчеркивает связь Распутина с естественным, природным началом: «Сам писатель в небольшом очерке “Откуда есть пошли мои книги”, предваряющем двухтомник избранных произведений 1997 года и ключевом для постижения его творчества, говорит о том необычайно сильном впечатлении, что произвела на него в детстве Ангара» [Там же, с. 223]. Ангара – одна из великих сибирских рек – предстает источником вдохно-

вения писателя, а писательский талант Распутина сопоставляется с «мощью сибирской природы», которая занимает важную нишу в аксиологии патриотов. Близость к природе, отмеченную в биографии писателя, культивирует и О. Павлов в статье «Новые лица русской прозы», которая посвящена А. Тарковскому. По мнению критика, именно близость к таежному миру с детства заложила нравственные и духовные качества писателя: «Он человек, с малых лет очарованный именно этой природой, сильной и могучей, воспринявший ее как Божий Храм. Другой так любит степь или пустыню, он свою родную тайгу. Через любовь к природе – сначала детскую, потом осмысленную, взрослую, – он научился видеть хорошее, и это, без сомнения, его настоящий, редкий сегодня дар. <...> Чувство этой любви почти религиозное» [Павлов, 2002, с. 170].

В представлении критиков-патриотов рождение писателя в Сибири условно задает определенную поведенческую модель, формирует его мировоззрение. Поэтому художник, не соответствующий этой модели, подвергается символическому наказанию, осуждается и означивается как «чужой». Так, резкой критике подвергается С. Сибирцев и его двухтомник «Избранное» в статье Н. Переяслова с ярким подзаголовком «Несибирская проза Сергея Сибирцева и прогноз развития русской литературы на начало третьего тысячелетия» [Переяслов, 2001, с. 262]. Несмотря на факт рождения в Иркутске, Сергей Сибирцев вытесняется за пределы актуального ценностного поля патриотов: «Вникая в особенности прозы Сергея Сибирцева, опять и опять убеждаешься, что, вопреки топонимически звучащей фамилии автора и его сибирскому происхождению (он родился в Иркутске), ничего сибирского в его книгах нет» [Там же, с. 263]. Таким образом, «сибирское» включает в себя ряд понятий, установок, значимых для патриотов. В первую очередь это приверженность христианской картине мира. В своей статье критик Н. Переяслов неоднократно сопоставляет творчество С. Сибирцева с произведениями античных авторов, представляющих дохристианскую модель мира: «Совсем иные нравственные нормы открываются нам в произведениях античных (то есть *дохристианских*) авторов, например в поэмах того же Гомера, где обман, насилие и убийство проходят по категории доблестей. Вот нечто похожее на эту античность присутствует и в произведениях Сибирцева, где даже поступки, совершаемые, казалось бы, с целью наказания зла, выглядят такими же омерзительными, как и само то зло, против которого они выступают» [Там же, с. 263]. Таким образом, критик приравнивает понятия сибирское и христианское: если проза С. Сибирцева содержит в себе «описание инцеста, садизма, гомосексуальных и зоофилических актов, крупномасштабных оргий и мистики с оживающими покойниками», а самое главное – убийств без чувства вины и раскаяния (вопреки «Преступлению и наказанию» Достоевского, построенного на описании пути к покаянию), она нарушает нормы христианской морали, а значит, не вписывается в концепт «сибирское».

Помимо связи с периферией, провинцией, для критика-патриота важно участие писателя в социальной жизни, публицистичность его прозы. В систему ценностей патриотов вписываются готовность к борьбе, способность противостоя-

ять разрушительной для интересов народа власти, защищать свой уклад и свою землю. Особенно остро вопрос «социальности» писателя ставится в статье В. Бондаренко «Живой». Б. Можаяев выделяется критиком из круга «своих» как «острейший социальный писатель», который в очерках поднимал социально-нравственные вопросы отношений крестьянина и власти, освещал «сложные производственные колхозные отношения», спорил с властями и отстаивал права народа. «Лапотником, деревенским ортодоксом, тихим идеалистом деревенского рая он не был никогда» [Бондаренко, 2003, с. 279], – заявляет критик, тем самым указывая на писателей-деревенщиков, ограничивающихся в своих произведениях лишь «характерами и пейзажной описательностью». «Излишняя безмятежность и деревенская идиллия», отраженные в мировоззрении и творчестве таких писателей, как Е. Носов, Г. Троепольский, В. Белов, оцениваются критиком негативно. Выделяя Б. Можаяева среди них как деятельного писателя, неравнодушного к проблемам народа, представляя его как борца за справедливость, В. Бондаренко формирует положительный образ писателя, исключительность которого в его максимальной вовлеченности в общественную жизнь крестьянства.

Героическим началом наделяется и герой повестей Б. Можаяева – Федор Кузькин. Описывая «народного героя русской литературы», критик определяет его как «неуживчивого борца за справедливость, выбирающегося живым из любых передраг» [Бондаренко, 2003, с. 280]. Способность данного героя идти против власти, защищать крестьянские интересы – это сверхценное качество, ведущее к спасению простого народа: «А в нем-то, может быть, для сегодняшней России, да и для всей земли в целом и заключается главное спасение. Это какой-то толкинский Горлум неуловимый, для многих и неприятный, но в результате все мировое зло на себе и вытянувший» [Там же, с. 281]. И здесь критик прибегает к сопоставлению героев «деревенской» прозы. Сравнивая Ивана Африкановича и Федора Кузькина, В. Бондаренко пишет об обреченности на смерть первого и живучести второго. Покорная смиренность и терпение героя В. Белова ведут к гибели под натиском разрушительной власти, которая зачастую представлена в прозе деревенщиков в лице врагов крестьянства и патриархального уклада, в то время как бунтарство и мятежность духа Федора Кузькина способны побороть этих врагов. Можно заключить, что бунтарский путь героя определяется критиком как спасительный, а способность противостоять власти, угнетающей интересы народа, предстает как положительная установка, вписывающаяся в систему ценностных ориентиров патриотов.

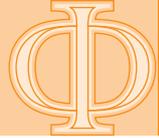
На публицистичность как отличительную черту авторской стратегии В. Распутина указывает С. Шуртаков в статье «Прямое слово». Критик соглашается с Распутиным, что «в публицистике писатель говорит о том, что происходит на его земле, с его народом» [Шуртаков, 2008, с. 258]. Книга В. Распутина «Большая душа» представлена как эталон публицистики: критик отмечает, что «внимание в ней сосредоточено на самых острых, самых важных для Отечества проблемах» [Там же, с. 259].

Интерпретационная стратегия предполагает воздействие на реципиента, формирование у читателя определенной установки. При разговоре о писателях-деревенщиках, вписывающихся в систему ценностных ориентиров патриотов, одной из главных задач для критика становится создать их сверхположительный образ. Писатели-деревенщики идеализируются, возвышаются над «чужими», утверждаются как образцы для подражания. Поэтому зачастую критики наделяют своего «персонажа» и его прозу героическим, спасительным началом. Источником спасения предстает книга писателя-деревенщика В. Белова «Лад» в статье К. Кокшеневой «Лад привычного дела»: «И я знаю точно: если бы вдруг на земле осталась только сотня человек, а все плоды прогресса (машины да компьютеры) исчезли, то с беловской книгой «Лад» (в отличие от многих других) человек снова бы выжил!» [Кокшенева, 2007, с. 185]. В ситуации апокалипсиса, по мнению критика, именно опыт народа, который передается в книге В. Белова, способен возродить человеческую цивилизацию. Так, К. Кокшенева утверждает спасительную ценность народного первоначала, в котором все подчинено природным циклам, в котором любовь к земле сочетается с неустанным трудом на ней.

Литературный авторитет писателей-«деревенщиков» в литературно-критическом дискурсе «патриотов» не подлежит сомнению. Чтобы вписывать малоизвестных авторов в круг «своих», критики прибегают к стратегии сопоставления автора с авторитетным писателем-«деревенщиком». В статье «Сын вдовьего полка» критик С. Викулов пишет о поэте А. Шитикове, который «слит с народом каждым прожитым днем» [Викулов, 2003, с. 275]. Чтобы подчеркнуть значимость поэта для русской традиционалистской литературы, повысить его авторитет в глазах читателя, критик приводит сравнение с В. Шукшиным – одним из самых известных писателей-деревенщиков. Так, критик переносит качества, присущие мировоззрению и творчеству В. Шукшина, на мировоззрение и поэзию А. Шитикова, доминирующим среди которых является народность, близость к корням народной деревенской жизни, знание людей деревни «как самого себя» [Там же, с. 275].

Другой пример использования данного приема в критическом дискурсе патриотов обнаруживается в статье А. Сегеня «Печи Михаила Чванова»: «Добрый Михаил Андреевич не был столь заметен, как его старшие современники – Шукшин, Можаяев, Белов, Распутин, Астафьев, Крупин, Личутин, но он, без преувеличения, одного с ними ряда, одной судьбы и одной силы» [Сегень, 2005, с. 219]. Сопоставление со столь известными и общепризнанными среди патриотов именами работает на формирование положительного образа «персонажа» и его возвышение в глазах читателя. Подобно им, М. Чванов, «не щадя читателя своего, пишет с великой болью обо всем, что творится в Отечестве нашем» [Там же, с. 219]. Активная гражданская позиция писателя и, как следствие, публицистичность его прозы оцениваются критиком как сверхкачество, ценное в аксиологии патриотов.

В представлении критиков-патриотов писатель, наделенный подлинным талантом, чувствует обреченность современного ему мира и пишет об этом в своих

произведениях. Писателем-пророком предстает Е. Носов в статье Б. Агеева, посвященной развернутому описанию эсхатологических и апокалиптических мотивов в повести «Усвятские шлемоносцы». По словам критика, его побудило на это «усиливающееся день ото дня и болезненное ощущение хрупкости и конечности земной жизни». Б. Агеев прослеживает прямые параллели с «Откровением» Иоанна Богослова. Е. Носов предстает как пророк, который описывает явление Конца Света в наши дни, возможно, сам того не желая: «Художник писал совсем об ином и специально не заботился о подобном контексте догадок “чему надлежит быть вскоре”, да, возможно, к году написания своей вещи и не испытывал влияния святого Иоанна, “брата нашего и соучастника в скорби”, настолько явного, что это влияние могло отозваться в его творчестве» [Агеев, 2002]. Автор подчеркивает актуальность данного сопоставления: «Тем более что никто, в сущности, не сомневается в том, что мир, в котором мы существуем, не вечен и придет же когда-нибудь к своему окончанию». Сегодняшними предвестниками конца света автор считает ядерное оружие и угрозу ядерной войны, а также исчезновение деревни: «В контексте Конца Света уход мужиков на войну, исход русской деревни, от которого она не смогла оправиться, – наши современники застали на ее месте дотлевающие головешки – событие эсхатологическое и требует объяснений некоего высшего рода...» [Там же]. Высшей ценностью объявляется естественный человек: «С кончиной Касьяна естественно прекратится полнокровная жизнь не только в русской деревне Усвяты, но и во всем Свете, ибо этот Свет ущербен без него, неполон и естественным образом как бы обречен на угасание без своего главного смысла, без своего продолжения – без естественного Человека» [Там же].

Главный герой, Касьян, описывается как «прообраз Человека с большой буквы, то есть как феномен»: «В повести “Усвятские шлемоносцы” со всей прелестью изображен Свет с носителем своего смысла, с Человеком (Касьян), что этому Свету суждено погибнуть вследствие нарушения неких правил существования – назовем эти нарушения правил грехом, а также укажем содержание этого греха» [Там же]. Самым главным грехом, по мнению критика, является то, что шлемоносцы оставляют родную землю: «И может быть, самая точная и острая примета – уход мужиков на войну от всего родного и близкого, во что врос сердцем и жизнью, – отзывается во фразе Иоанна, наверное, слишком загадочной во всем его сочинении: “...Но имею против тебя то, что ты оставил первую любовь твою”» [Там же].

Сохранение русского языка, живой народной речи также является главной ценностной установкой критиков-патриотов. По мнению критика В. Потанина, «на нас лежит ответственность и перед будущими поколениями за великий, могучий, правдивый и свободный русский язык!..» [Потанин, 2003]. Вслед за В. Далем, критик призывает обратиться к народной речи, к живому слову: «Нужно стремиться к тому, чтобы литература постоянно вбирала в себя живую народную речь». Аргументирует необходимость внесения просторечия в разряд литератур-

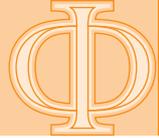
ной нормы, обращаясь к А.С. Пушкину: «Всю свою жизнь поэт ратовал за воссоединение “просторечия” с языком литературным...».

Настоящей кладезью простонародной речи становятся произведения В.П. Астафьева. В. Потанин отмечает, что вокруг его языка немало споров, обвинений «в пристрастии к ненормативной лексике, к диалектному слову». Критик выбирает оправдательную тактику и пишет о том, что «его литературные герои живут и действуют в экстремальных условиях войны, и потому их речь похожа на осколки гранат и снарядов». Указывая на естественность в использовании диалектизмов, критик обращается к опыту русской классики: В.П. Астафьев «идет следом за Буниным, который считал диалектное слово праматерью литературного языка и основой метафоры», а также за А.С. Пушкиным и М. Горьким. Апелляция к классикам позволяет утвердить право Астафьева на использование диалектизмов: таким образом писатель продолжает традицию, начатую еще А.С. Пушкиным. Язык Астафьева объявляется самоценным, а простонародная речь – нормой: «Все произведения Виктора Астафьева написаны на чистейшем и превосходном русском языке, который задевает самые сокровенные струны нашего сердца».

Таким образом, в литературно-критическом дискурсе «патриотов» используются интерпретационные стратегии, содержащие важные для самоидентификации данного критического направления идеологические и ценностные установки. Современная традиционалистская проза «присваивается» через выстраивание оппозиции «свое / чужое», где «свое» включает в себя народность, близость к природному, естественному началу, связь с родиной, стремление к сохранению национального языка, традиции.

Список литературно-критических статей

1. Агеев Б. Человек уходит // Наш современник. 2002. № 5. URL: <http://nash-sovremennik.ru/p.php?y=2002&n=5&id=10>
2. Бондаренко В. Живой // Наш современник. 2003. № 6. С. 278–283.
3. Викулов С. Сын «вдовьего полка» // Наш современник. 2003. № 5. С. 271–275.
4. Кириллов И. Границы мира // Наш современник. 2001. № 8. URL: <http://nash-sovremennik.ru/p.php?y=2001&n=8&id=19>
5. Кокшенева К. Лад привычного дела // Москва. 2007. № 10. С. 184–188.
6. Кокшенева К. Облик дарованный // Москва. 2001. № 9. С. 88–97.
7. Павлов Ю. Новые лица русской прозы // Москва. 2002. № 6. С. 169–174.
8. Переяслов Н. Дочитавший же до конца – спасется... // Наш современник. 2001. № 2. С. 260–265.
9. Потанин В. Учитель – наш язык! // Наш современник. 2003. № 9. URL: <http://nash-sovremennik.ru/p.php?y=2003&n=9&id=9>
10. Сегень А. Печи Михаила Чванова // Наш современник. 2005. № 2. С. 218–221.
11. Семенова В. Читать Распутина, слушать Россию // Наш современник. 2007. № 3. С. 218–230.
12. Спиваковский П.Е. Русская литература XX века: взгляд из нового столетия // Москва. 2002. № 3. С. 199–203.
13. Шуртаков С. Прямое слово // Наш современник. 2008. № 3. С. 258–262.

Библиографический список

1. Бондаренко М.А. Текущий литературный процесс как объект литературоведения // НЛЮ. 2003. № 62. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2003/62/bond.html>
2. Говорухина Ю.А. Литературная критика как идеологический дискурс // Критика и семиотика. 2014. №1. С. 73–90.
3. Говорухина Ю.А. Метакритический дискурс русской критики: от познания к пониманию. Томск: ИД СК-С, 2009. 130 с.
4. История русской литературной критики: советская и постсоветская эпохи: учеб. пособие / под ред. Е. Добренко, Г. Тиханова. М., 2011. 792 с.
5. Ковтун Н.В. Русская традиционалистская проза XX–XXI веков: генезис, мифопоэтика, контексты. М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. 600 с.
6. Ковтун Н.В. Современная традиционалистская проза: идеология и мифопоэтика. Красноярск: СФУ, 2013. 352 с.
7. Погорелая Е. Критика как путеводитель по сферам идей // Вопросы литературы. 2007. № 4. С. 62–67. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2007/4/po11.html>
8. Разувалова А. Писатели-«деревенщики»: литература и консервативная идеология 1970-х годов. М., 2015. 616 с.
9. Смолененкова В.В. Риторическая критика как филологический анализ публичной аргументации: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. М., 2005. 248 с.
10. Тюпа В.И. Коммуникативные стратегии теоретического дискурса // Критика и семиотика. 2006. Вып. 10. С. 36–45.

Сведения об авторе

Андреева Елена Александровна – аспирант кафедры мировой литературы и методики ее преподавания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: andreeva.elena.krsk@gmail.com

INTERPRETATIONAL STRATEGIES OF “PATRIOTS” LITERARY CRITICISM OF 2000s

E.A. Andreeva (Krasnoyarsk, Russia)

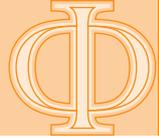
Abstract

Literary-critical discourse is often interpreted as an overbearing discourse (M. Berg, V. V. Smolenkova, Y. A. Govorukhin). One of its main features is focus on the Other, which involves the use of various interpretation strategies and tactics. The purpose of this article is to identify and analyze the main interpretative strategies used by critics-“patriots” in articles devoted to “rustic prose” as axiologically significant for them. Traditionalist prose contains the national idea and is opposed to contemporary literature, which in the literary-critical discourse of the “patriots” is subjected to sharp negative assessment, it is condemned for its secondary nature, depicting “the seamy side” of life, trampling the Christian idea, breaking with tradition. The material of the study was literary-critical articles published in the 2000s in the magazines “Nash Sovremennik”, “Moskva”. As a result of the analysis, the interpretative strategies were identified, the use of which allows one to “assign” the writer and form his positive image. Often the articles of patriots are written in the form of a portrait essay telling about the most important, from the point of view of the critic-“patriot”, events in the life of the author, which fit into the system of their own value orientations. One of the main issues here is the interpretational strategy, which implies an indication of the fact of the writer’s birth in the province (Siberia takes a special place in the value field of critics-“patriots”). Evaluating and interpreting the work of the writers, critics also point out their journalistic prose, a reflection of social problems in it. To idealize his “character”, to create his super-positive portrait, critics use the strategy of endowing the writer with a heroic beginning. The writer- “countryman” (or, alternatively, the heroes of his works) appears as a defender of the peasant way of life, a keeper of Russian, national. In addition, critics- “patriots” point to the prophetic content of their texts, as a rule, containing eschatological motifs. All of these interpretative strategies not only form a certain picture of the world in the mind of the addressee, but also participate in the process of self-identification of the critic-“patriot”.

Keywords: *literary-critical discourse, mentality, authoritative discourse, traditionalist prose, interpretational strategy, “patriotic” criticism, writers- “villagers”.*

Spisok literaturno-kriticheskikh staty

1. Ageev B. Chelovek uhodit // Nash sovremennik. 2002. № 5. URL: <http://nash-sovremennik.ru/p.php?y=2002&n=5&id=10>
2. Bondarenko V. ZHivoj // Nash sovremennik. 2003. № 6. S. 278–283.
3. Vikulov S. Syn “vdov’ego polka” // Nash sovremennik. 2003. № 5. S. 271–275.
4. Kirillov I. Granicy mira // Nash sovremennik. 2001. № 8. URL: <http://nash-sovremennik.ru/p.php?y=2001&n=8&id=19>
5. Koksheneva K. Lad privychnogo dela // Moskva. 2007. № 10. S. 184–188.
6. Koksheneva K. Oblik darovannyj // Moskva. 2001. № 9. S. 88–97.
7. Pavlov YU. Novye lica russkoj prozy // Moskva. 2002. № 6. S. 169–174.
8. Pereyaslov N. Dochitavshij zhe do konca – spasetsya... // Nash sovremennik. 2001. № 2. S. 260–265.
9. Potanin V. Uchitel’ – nash yazyk! // Nash sovremennik. 2003. № 9. URL: <http://nash-sovremennik.ru/p.php?y=2003&n=9&id=9>
10. Segen’ A. Pechi Mihaila CHvanova // Nash sovremennik. 2005. № 2. S. 218–221.
11. Semenova V. CHitat’ Rasputina, slushat’ Rossiyu // Nash sovremennik. 2007. № 3. S. 218–230.

12. Spivakovskij P.E. Russkaya literatura XX veka: vzglyad iz novogo stoletiya // Moskva. 2002. № 3. S. 199–203.
13. SHurtakov S. Pryamoe slovo // Nash sovremennik. 2008. № 3. S. 258–262.

Bibliograficheskiy spisok

1. Bondarenko M.A. Tekushchij literaturnyj process kak ob'ekt literaturovedeniya // NLO. 2003. № 62. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2003/62/bond.html>
2. Govoruhina YU.A. Literaturnaya kritika kak ideologicheskij diskurs // Kritika i semiotika. 2014. №1. S. 73–90.
3. Govoruhina YU.A. Metakriticheskij diskurs russkoj kritiki: ot poznaniya k ponimaniyu. Tomsk: ID SK-S, 2009. 130 s.
4. Istorija russkoj literaturnoj kritiki: covetskaya i postsovetskaya ehpoi: ucheb. posobie / pod red. E. Dobrenko, G. Tihanova. M., 2011. 792 s.
5. Kovtun N.V. Russkaya tradicionalistskaya proza XX–XXI vekov: genezis, mifopoehtika, konteksty. M.: FLINTA: Nauka, 2017. 600 s.
6. Kovtun N.V. Sovremennaya tradicionalistskaya proza: ideologiya i mifopoehtika. Krasnoyarsk: SFU, 2013. 352 s.
7. Pogorelaya E. Kritika kak putevoditel' po sferam idej // Voprosy literatury. 2007. № 4. С. 62–67. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2007/4/po11.html>
8. Razuvalova A. Pisateli-«derevenshchiki»: literatura i konservativnaya ideologiya 1970-h godov. M., 2015. 616 s.
9. Smolenenkova V. V. Ritoricheskaya kritika kak filologicheskij analiz publichnoj argumentacii: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19. M., 2005. 248 s.
10. Tyupa V.I. Kommunikativnye strategii teoreticheskogo diskursa // Kritika i semiotika. 2006. Vyp. 10. S. 36–45.

About the author

Andreeva Elena Aleksandrovna – post-graduate student, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev; e-mail: andreeva.elena.krsk@gmail.com